

Константин Бальмонт

(1867 – 1942)

Осень

Поспевает брусника,
Стали дни холоднее,
И от птичьего крика
В сердце только грустнее.

Стаи птиц улетают
Прочь, за синее море.
Все деревья блистают
В разноцветном уборе.

Солнце реже смеётся,
Нет в цветах благовонья.
Скоро Осень проснется
И заплачет спросонья.

Зима

Поля затянуты недвижной пеленой,
Пушисто-белыми снегами.
Как будто навсегда простился мир с Весной,
С её цветками и листками.
Окован звонкий ключ Он у Зимы в плену.
Одна метель поёт, рыдая.
Но Солнце любит круг. Оно хранит Весну.
Опять вернётся, Молодая.
Она пока пошла бродить в чужих краях,
Чтоб мир изведаль сновиденья.
Чтоб видел он во сне, что он лежит в снегах,
И вьюгу слушает как пенье.

Светлый мир

Тонкий, узкий, длинный ход
В глубь земли мечту ведет.
Только спустишься туда,
Встретишь замки изо льда.
Чуть сойдешь отсюда вниз,
Разноцветности зажглись,
Смотрит чей-то светлый глаз,
Лунный камень и алмаз.
Там опал снежит, а тут
Расцветает изумруд.
И услышишь в замках тех
Флейты, лютни, нежный смех.

И увидишь чьих-то ног
Там хрустальный башмачок.
Льды, колонны, свет, снега,
Нежность, снежность, жемчуга.
Тонкий, узкий, длинный ход
В этот светлый мир ведёт.
Но, чтоб знать туда пути,
Нужно бережно идти.

У чудищ

Я был в избушке на курьих ножках.
Там всё как прежде. Сидит Яга.
Пищали мыши, и рылись в крошках.
Старуха злая была строга.
Но я был в шапке, был в невидимке.
Стянул у Старой две нитки бус.
Разгневал Ведьму, и скрылся в дымке.
И вот со смехом кручу свой ус.
Пойду, пожалуй, теперь к Кощею.
Найду для песен там жемчугов.
До самой пасти приближусь к Змею.
Узнаю тайны – и был таков.

Золотая рыбка

В замке был весёлый бал,
Музыканты пели.
Ветерок в саду качал
Лёгкие качели.

В замке, в сладостном бреду,
Пела, пела скрипка.
А в саду была в пруду
Золотая рыбка.

И кружились под луной,
Точно вырезные,
Опьянённые весной,
Бабочки ночные.

Пруд качал в себе звезду,
Гнулись травы гибко,
И мелькала там в пруду
Золотая рыбка.

Хоть не видели её
Музыканты бала,

Но от рыбки, от неё,
Музыка звучала.

Чуть настанет тишина,
Золотая рыбка
Промелькнёт, и вновь видна
Меж гостей улыбка.

Снова скрипка зазвучит,
Песня раздаётся.
И в сердцах любовь журчит,
И весна смеётся.

Взор ко взору шепчет: «Жду!»
Так светло и зыбко,
Оттого что там в пруду –
Золотая рыбка.

Безглагольность

Есть в русской природе усталая нежность,
Безмолвная боль затаённой печали,
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящие дали.

Приди на рассвете на склон косогора,-
Над зябкой рекою дымится прохлада,
Чернеет громада застывшего бора,
И сердцу так больно, и сердце не радо.

Недвижный камыш. Не трепещет осока.
Глубокая тишь. Безглагольность покоя.
Луга убегают далёко-далёко.
Во всём утомленье – глухое, немое.

Войди на закате, как в свежие волны,
В прохладную глушь деревенского сада,-
Деревья так сумрачно-странно-безмолвны,
И сердцу так грустно, и сердце не радо.

Как будто душа о желанном просила,
И сделали ей незаслуженно больно.
И сердце простило, но сердце застыло,
И плачет, и плачет, и плачет невольно.

Меж подводных стеблей

Хорошо меж подводных стеблей.
Бледный свет. Тишина. Глубина.
Мы заметим лишь тень кораблей.
И до нас не доходит волна.

Неподвижные стебли глядят,
Неподвижные стебли растут.
Как спокоен зелёный их взгляд,
Как они бестревожно цветут.

Безглагольно глубокое дно.
Без шуршанья морская трава.
Мы любили, когда-то, давно,
Мы забыли земные слова.

Самоцветные камни. Песок.
Молчаливые призраки рыб.
Мир страстей и страданий далёк.
Хорошо, что я в море погиб.

Россия

Есть слово – и оно едино.
Россия. Этот звук – свирель.
В нём воркованье голубино.
Я чую поле, в сердце хмель,
Позвавший птиц к весне апрель.
На иве распустились почки,
Берёза слабые листочки
Раскрыла – больше снег не враг,
Трава возшла на каждой кочке,
Заизумрудился овраг.
Тоска ли в сердце медлит злая?
Гони. Свой дух утихомирь.
Вновь с нами ласточка живая,
Заморского отвергшись края,
В родимую влюбилась ширь.
И сердце, ничего не зная,
Вновь знает нежно, как она,
Что луговая и лесная
Зовёт к раскрытости весна.
От солнца – ласка властелина,
Весь мир – одно окно лучу.
Светла в предчувствии долина.
О чём томлюсь? Чего хочу?
Всегда родимого взыскую,
Люблю разбег родных полей,

Вхожу в прогалину лесную –
Нет в мире ничего милей.
Ручьи, луга, болота, склоны,
В кустах для зайца уголок.
В пастушью дудку вдунул звоны,
Качнув подснежник, ветерок.
Весенним дождиком омочен,
Весенним солнцем разогрет,
Мой край в покров весны одет,
Нерукотворно беспорочен.
Другого в мире счастья нет.

Родная картина

Стаи птиц. Дороги лента.
Повалившийся плетень.
С отуманенного неба
Грустно смотрит тусклый день,

Ряд берёз, и вид унылый
Придорожного столба.
Как под гнётом тяжкой скорби,
Покачнулася изба.

Полусвет и полусумрак,-
И невольно рвёшься вдаль,
И невольно давит душу
Бесконечная печаль.

Я больше её не люблю

Я больше её не люблю,
А сердце умрёт без любви.
Я больше её не люблю, –
И жизнь мою смертью зови.

Я – буря, я – пропасть, я – ночь,
Кого обнимаю – гублю.
О, счастье вольности!.. Прочь!
Я больше тебя не люблю!

Люби

«Люби!» – поют шуршащие берёзы,
Когда на них серёжки расцвели.
«Люби!» – поёт сирень в цветной пыли.

«Люби! Люби!» – поют, пылая, розы.

Страшись безлюбья. И беги угрозы
Бесстрастия. Твой полдень вмиг – вдали.
Твою зарю течение зорь сожгли.
Люби любовь. Люби огонь и грёзы.

Кто не любил, не выполнил закон,
Которым в мире движутся созвездья,
Которым так прекрасен небосклон.

Он в каждом часе слышит мёртвый звон.
Ему никак не избежать возмездья.
Кто любит, счастлив. Пусть хоть распят он.

Как я пишу стихи

Рождается внезапная строка,
За ней встаёт немедленно другая,
Мелькает третья ей издалека,
Четвёртая смеётся, набегая.

И пятая, и после, и потом,
Откуда, сколько, я и сам не знаю,
Но я не размышляю над стихом
И, право, никогда – не сочиняю.